

ния. Превышение же этой нормы чревато опасностью деградации общества [12].

Жгучей проблемой, которую, вероятно, мы еще не осознаем в полной мере, является процесс подмены ценностей в молодежной среде. Стало «модно» быть «крутым», сексуально свободным, холодным и безразличным к чужим бедам. Прославляется культ силы и денег. Медвежью услугу в происходящем процессе играет телевидение: каждый третий фильм-боевик, каждый пятый – эротика, цинизм и убийства. С молоком матери вбивается культ жестокости и насилия.

Почему такое явление имеет место в Республике? Защищает ли нас закон от такого воспитания? Ответ находим в статье 18 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка», которая дословно гласит следующее: «Использование средств массовой информации и иных зрелищных мероприятий, которые имеют признаки культа жестокости и насилия, оскорбляют человеческое достоинство, оказывают вредное влияние на детей и способствуют совершению правонарушений, преследуются по закону».

Как видим, статья сформулирована четко и предельно ясно. Так почему же в Республике не было случая, чтобы виновные в нарушении этой статьи были привлечены к ответственности? Может у нас нет органа, контролирующего нарушения законодательства? Ответ однозначен: есть. Статья 125 Конституции Республики Беларусь определяет: «Надзор за точным и единообразным исполнением законов возлагается на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров». [1, с. 87]

Многочисленные факты отказа родителей от ребенка, прогрессирующая тенденция распада семей лишает значительную часть детей права на проживание в родной семье или, как принято говорить, мы столкнулись с ситуацией, когда это право на практике не всегда работает. Практики-педагоги, сравнивая контингент учащихся школы настоящего времени с недалеким прошлым (30-40 лет назад), отмечают резкое ухудшение (в целом) здоровья учащихся. Так из 7236 учащихся-школьников Каменецкого района Брестской области практически здоровыми являются 2423 школьника или только каждый третий ребенок. Наблюдается тенденция снижения успеваемости школьников. Несмотря на различные мнения по этому вопросу, школа часто является в наше время важнейшим, а порой и единственным звеном в формировании положительных качеств личности ребенка.

Таким образом, проблема защиты детства сложна и многообразна. От ее правильного и успешного решения которой зависит успешное развитие и процветание нации или же деградация общества во всех сферах жизни. Можно заметить, что в работе не указаны пути разрешения затронутых проблем. На это есть две основные причины: во-первых, пожалуй, еще нет человека, который бы мог знать и четко указать правильные пути выхода из кризисной ситуации, а во-вторых, сам анализ положения детей в Республике Беларусь и принятых государством мер и усилий по защите детства является

ответом на решение многих вопросов. Бесспорным является следующее:

- представляется бессмысленностью принятие множества нормативных документов, дублирующих друг друга;
- только реальное улучшение благосостояния нации является действенным фактором обеспечения необходимых условий для здорового и полноценного развития ребенка;
- только решительные меры по пресечению алкоголизации общества со стороны государства способны решить множество проблем по оздоровлению семьи и воспитанию детей;
- следует принять все меры к тому, чтобы педагог достойно вознаграждался за свой труд и имел все условия и возможности достойно трудиться на уровне образования;
- необходимо усилить контроль за средствами массовой информации, зрелищными мероприятиями, которые насаждают культ насилия и жесткости, развращают детей;
- органам власти следует принять меры к тому, чтобы принципы, изложенные в Конвенции о правах ребенка и Законе Республики о правах ребенка получили широкое освещение на телевидении, в печати и других средствах массовой информации, вызвали повсеместный интерес и участие в их обсуждении широких слоев общественности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь. 1994 г. (с изменениями и дополнениями) Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. – М., 1998.
2. Конвенция о правах ребенка. Сборник документов и методических материалов ООН, ЮНЕСКО, Республики Беларусь. – Мн., 1997.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. - Мн., 1999.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – Мн., 1999.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных нарушениях. – Мн., 2001.
6. Первый периодический доклад Республики Беларусь. Об осуществлении Конвенции ООН о правах ребенка. – Мн., 1999 г.
7. Бабосов Е.М. Общая социология. – Мн., 2002.
8. Бубен С.С. Оборона правоу дзяцей у Рэспубліцы Беларусь. Дапаможнік для педагогаў. – Мн., 2001
9. Смагина Л.И. Права ребенка. Пособие для педагога. Мн., 2001.
10. Национальный доклад. Положение детей в Республике Беларусь в 2000 году. //Настаўніцкая газета. –2001.- 6 сентября.
11. Селезнева Г. Наркомания – бич цивилизации. //Народное образование.- 1999. - № 6.
12. Лицкевич С. Алкогольный рынок должен быть трезвым. // Советская Белоруссия.-1999. - № 173.
13. Смагина Л.И и др. Сто уроков по правам ребенка. Учебно-методическое пособие. - Мн., 1998.
14. Лапина С.В. Социология. Учебное пособие и практикум.- М., 2002

УДК 321.330.342.151 (4 Ге)

Стрелец М.В.

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ МАНЁВР ИЛИ ПОВОРОТ В РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ?

Die Stalin- Note von 10. Marz 1952: neue Quellen und Analysen / Mit Beitragen von Wilfried Loth, Hermann Graml und Gerhard Wettig. Hrsg. von Jurgen Zausky-Munchen: Oldenburg, 2002.

Формирование архитектуры безопасности современной Европы невозможно без учёта исторического опыта. Одним из важных его аспектов явилось решение германского вопроса. Путь от возникновения германского раскола к восстановлению государственного единства Германии занял без малого полвека. Отсюда вытекает интерес к упущенным возможно-

стям в период обсуждения германских дел между великими державами.

На протяжении десятилетий многие германисты пытаются ответить на следующий вопрос: «Можно ли вести речь об упущенных возможностях, оценивая ноту советского правительства к западным державам о мирном договоре с Германией от 10 марта 1952 г.?» Подобные попытки предпринимает и современная германская историография, о чём свидетельствует книга, которая является предметом настоящей рецензии. [1]

В книге чётко прослеживаются новые источники и анализы ноты Сталина от 10 марта 1952 г. (так немецкие авторы называют указанный дипломатический ход Москвы).

Публикация состоит из введения написанного её редактором Юргеном Заруски, докладов, приложения, избранной библиографии, указателя сокращений и указателя персоналий.

Доктор Юрген Заруски, научный сотрудник Мюнхенского института современной истории, в своём введении пишет о значимости исследования всего того, что связано с нотой Сталина, затрагивает историографию проблемы [с.7-18].

Доклады сделаны крупными учёными, которые на протяжении десятилетий исследовали германский вопрос, ноту Сталина.

Автор первого доклада «Возникновение ноты Сталина. Документы из московских архивов» - Вильфрид Лот [с.19-62]. К докладу прилагаются документы из Архива внешней политики Российской Федерации, впервые переведенные на немецкий язык [с. 63-115]. Кроме того, автор работал с документами в российском государственном архиве социально-политической истории, Президентском архиве Российской Федерации, в американских архивах. В поиске этих архивных документов и материалов автору активно помогал главный научный сотрудник института всеобщей истории РАН Алексей Филитов. Перевод публикуемых документов обеспечила Людмила Крюгер.

Германский ученый считает точкой отсчёта предыстории советской германской ноты «февраль 1951 г., когда московское руководство готовилось к новой конференции союзного совета министров иностранных дел» [1, с.20]. Михаил Грибанов, руководитель третьего европейского отдела советского министерства иностранных дел, в сферу компетенции которого входили немецкоязычные страны, торопил своё руководство насчёт разработки обязывающего предложения для мирного договора с Германией. В письме заместителю главы советского внешнеполитического ведомства А.Громыко он отмечал: «Одним из пунктов повестки для предстоящего СМИДа явно будет вопрос о мирном договоре с Германией. При обсуждении этого вопроса советская делегация не должна ограничиваться тем, чтобы только лишь повторять свои старые предложения. Необходимо в этом отношении сделать шаг вперёд (выделено нами - М.С.) [1, с.63]. Несколько ранее М.Грибанов довёл эту позицию до министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинского.

Предварительной проработкой повестки дня указанного заседания должны были заниматься заместители министров иностранных дел, встреча которых стартовала в Париже 5 марта 1951 г. Однако переговоры в Париже оказались безрезультатными. 9 июля 1951 г. М.Грибанов адресует А.Громыко меморандум, в котором чётко было сказано об опасности того, «что советское правительство упустит инициативу в борьбе за восстановление единства демократической Германии» [1, с.24]. К числу позитивных элементов меморандума автор относит согласие с идеей свободных общегерманских демократических выборов, частичный вывод оккупационных войск и т.д.

27 августа 1951 г. происходило заседание Политбюро ЦК КПСС, которое вёл И.Сталин. Политбюро приняло решение

по германскому вопросу, которое уполномочивало А.Вышинского «предложенный проект в течение 3 дней на основе обмена мнениями переработать и вместе с тем развить предложение по вопросам, которые поставили товарищи Пик, Ульбрихт и Гротеволь при встрече с Чуйковым и Ильичевым 30 июля (1951 г.-М.С.) [1, с.29]. Известно, что восточногерманской стороной «было выражено пожелание, что советское правительство должно предложить заключение мирного договора с Германией и опубликовать основы этого договора. Союзники Москвы придерживались мнения, что такой ход советского правительства был бы ещё более желателен особенно в связи с декларацией западных держав об окончании военного положения в Германии» [1, с.27].

"Сталин дал своё благословение, но предупредил, что в случае неудачи виновные будут привлечены к ответственности" [1, с.30].

В.Лот со ссылкой на мемуары сына Л.Берии Серго утверждает, что Грибанов, министерство иностранных дел ... нашел в лице Берии защитника. [1, с.30].

Автор прослеживает трудный путь, который группа М.Грибанова прошла до разработки окончательного варианта проекта договора. В.Лот отмечает её высокий профессионализм. Отношение Сталина и его окружения к работе данной группы излагается со ссылкой как на архивные источники, так и на свидетельства советских дипломатов и учёных: В.Семёнова, Ю.Квицинского, Д.Мельникова и т. д.

Главный вывод В.Лота таков: советская сторона проводила обширную, учитывающую все детали работу с тем, чтобы проект СССР не был сразу отвергнут Западом как неприемлемый. В этом он видит «доказательство серьёзности советской инициативы о мирном договоре» [1, с.16]. 25 марта 1952г. эту инициативу Запад отвергает, что германский учёный оценивает как раз как упущенную возможность. В.Лот отмечает, что в процессе разработки проекта договора у Сталина было допущено немало ошибок: «Объективное вмешательство Сталина повредило проекту в двух отношениях. Прежде всего, мысль о престиже привела к затягиванию выступления с основными положениями мирного договора, которое может быть стоило ему успеха: позиция Аденауэра была поздней осенью 1951 г. ...существенно менее прочной, чем весной 1952 г. Затем краткосрочно предписываемые корректуры в ноты западным державам, как в документ об «Основных положениях мирного договора» уменьшали когерентность и вместе с тем также доверительность обоих текстов» [1, с.61].

Автор следующего раздела книги Герман Грамль весь свой доклад посвящает полемике с В.Лотом. Он не ставит под сомнение большой объём работы, проделанный оппонентом, положительно оценивает привлечение широкого круга новых источников и, прежде всего, документов и материалов из российских архивов. Г.Грамль согласен с тем, что группа М.Грибанова оказалась высокопрофессиональной.

Принципиальное различие между оппонентами протекает в трактовке документов, в том контексте, в котором их надо рассматривать. Г.Грамль трактует «ноту от 10 марта 1952 г. лишь как ограниченное мероприятие в пропагандистской войне между Востоком и Западом. Из документов можно заключить, что это было действительным для всех актёров с восточной стороны от Пика, Гротеволья и Ульбрихта с генералом Чуйковым и Семёновым до Молотова и Сталина. Как сказал Сталин летом 1952 г. лидеру итальянских социалистов Пиетро Ненни: "Вооружение Германии не изменило равновесия между Востоком и Западом, так социалистический лагерь вооружил ГДР. Вильфрид Лот не понял свои источники" [1, с.137].

Тема доклада Герхарда Веттига называется так: «Нота от 10 марта 1952 г. в контексте германской политики Сталина со времён Второй мировой войны». В 1941-1945 гг. на эту поли-

тику оказывали влияние соотношение сил в мире, ситуация на советско-германском фронте, отношения Москвы с её союзниками по антигитлеровской коалиции. «Сталин реагировал на германское нападение в июне 1941 г. прежде всего намерением лишить после войны Германию могущества посредством территориального расчленения. Одновременно он сформулировал цель, расширить на Запад территорию, на которую распространяется сфера советской власти. [1, с.142-143].

Осенью 1943 г. чётко прослеживалось единство СССР, США, Великобритании по вопросу о распаде Германии на многие государства [1, с.143].

В 1944 г. советская концепция предполагала «существование единого, даже централистки структурированного германского государства» [1, с.144].

«На Ялтинской конференции в начале февраля 1945 г. Сталин требовал немедленного принятия решения о разделении и настаивал на детализированной формулировке» [1, с.145].

Чем же была мотивирована позиция Кремля?

Г.Веттиг считает, что руководитель СССР «во время ... конференции стал увереннее в надежде, что в будущем можно распространить влияние на побеждённую страну. Рузвельт, отвечая на его вопрос, пояснил, что США будут полностью выводить свои войска из Европы» [1, с.146].

В марте 1945 г. он мог с удовлетворением констатировать, что имела смысл ставка: германская столица оказалась в непосредственной близости Красной Армии. Напротив, западные войска были ещё далеко, так что он мог рассчитывать на то, чтобы получить в руки политически важную позицию. [1, с.146]. Советская дипломатия снимает вопрос о разделении Германии.

Указанное заявление Рузвельта существенно повлияло на советскую позицию в конце войны и сразу после её окончания. В Кремле рассчитывали, что будет повторён американский изоляционизм 1919 г. Логика мышления Сталина была такова: «если самая влиятельная держава на Западе не принимает длительного участие в судьбе побеждённой страны и вместе с тем одновременно Европы, то СССР не должен считаться с серьёзным противоречием. Достаточно если советская сторона представит себя как держава, которая исповедует твёрдое признание принципов кооперации и демократии; учёт конкретно и детально изложенной западной точки зрения казался излишним» [1, с.147].

Г.Веттиг считает, что план Маршалла не побудил Москву к отказу от проводимого курса. Между тем этот план был убедительным доказательством того, что США не собираются уходить и из Германии, и из Европы. Советская сторона ответила на него «радикализацией своей антизападной позиции» [1, с.147].

Сталин глубоко верил в то, что в странах Запада происходят необратимые кризисные процессы и, естественно, «империализм лишится способности, устоять перед давлением «трудящихся масс» и советских войск» [1, с.149]. Именно в этом контексте Г. Веттиг рассматривал разрыв между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой, произошедший в 1947 г. Именно в этом году началось ускоренное превращение восточной зоны оккупации в «бастион власти и системы СССР» [1, с.165]. Комплекс мероприятий, который осуществлялся в данной зоне, свидетельствовал о значительном дистанцировании Кремля от своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Одновременно «кремлёвский вождь настаивал на цели германского единства и искал для этого поддержки у западногерманского населения [1, с.166]. И.Сталину было трудно осознавать, что преимущественная часть этого населения отвергла представления о том, что единая Германия должна быть преобразована по модели советской оккупационной зоны» [1, с.166]. В западных зонах фор-

мировались структуры, принципиально не совместимые с теми, которые стали реальностью в восточной. Проведение денежной реформы в западной Германии и установление Москвой блокады Западного Берлина явились прологом для возникновения двух немецких государств.

В конце 1948 г. И.Сталин дал лидерам СЕПГ поручение подготовить провозглашение государства. Ссылаясь на Архив внешней политики Российской Федерации, Г.Веттиг приводит любопытный факт. «Персональные решения о президенте, совете министров и ключевых позициях в отдельных ведомствах были сформулированы в советском министерстве иностранных дел на основе предложений СЕПГ и в последней инстанции были приняты самим Сталиным». [1, с.169].

Важно обратить внимание на трактовку руководством СССР факта образования ГДР с точки зрения существования германского вопроса. «ГДР должна была стать ключевым немецким государством, которому выпала задача мобилизовать весь народ для борьбы за национальное единство» [1, с.171]. Основание ГДР «заложило краеугольный камень для единой, демократической и миролюбивой Германии» [1, с.171]. Однако одновременно Кремль не допускал того, чтобы ГДР претендовала на право говорить и действовать за западных немцев [1, с.171].

Советское руководство «считало, что связь общественно-политического преобразования и германского единства не подлежит пересмотру» [1, с.171]. Но в начале 1952 г. для кремлёвских стратегов было очевидно, что приобретают реальные очертания и полная интеграция Федеративной Республики в западные структуры и вытекающее отсюда длительное существование германского раскола» [1, с.171]. В такой обстановке и появилась нота Сталина от 10 марта 1952г. Г. Веттиг приводит целый ряд признаков того, что это был пропагандистский манёвр.

Когда американский представитель передал 25 марта 1952г. А. Я. Вышинскому отрицательный западный ответ, он, к удивлению, заметил, что лицо у шефа советского мида посветлело [1, с.181].

Видный дипломат США Д.Кеннан прибыл в Москву с целью готовить соглашение о германском воссоединении, но дело до предметной беседы не дошло [1, с.182].

Материалы архива партий и массовых организаций ГДР содержат информацию о том, что в период разработки сталинской ноты руководство СЕПГ считало, что «борьба за мирный договор» и дальнейшее «укрепление демократического порядка» его государства – это «две стороны одной медали, что весь этот период оно было единого мнения со Сталиным» [1, с.182].

Москва и Восточный Берлин не ставили под вопрос коммунистический режим в ГДР, что дает основание Г.Веттигу ставить под сомнение следующий тезис В.Лота: «...западное нет Ноте от 25 марта – поворотный пункт, который побудил Сталина отказаться от идеи единой Германии» [1, с.183].

Подведение итогов анализа трёх докладов целесообразно начать со следующей цитаты из введения к данной публикации: «Многие вопросы остаются всё ещё открытыми, многие источники всё ещё недоступны» [1, с.16]. Разумеется, расширение источниковой базы сняло бы ряд вопросов.

Ознакомление с текстом настоящей книги ещё более укрепило рецензента в мысли о том, что нота Сталина от 10 марта 1952 г. была пропагандистским манёвром, что поворота в реальной политике Кремля не произошло. Неприятие советской инициативы западной стороной не следует рассматривать как упущенную возможность. Герман Грамль и Герхард Веттиг в своих оценках оказались ближе к истине, чем Вильфрид Лот.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Die Stalin – Note vom 10 Marz 1952: neue Quellen und Analysen (Mit Beitragen von vilfried Loth, Hermann Graml und Gerhard Wettig. Hrsg. von Jurgen Zarusky-Munchen: Oldenburg, 2002-212s.